

БАТАЛЬОН РЕЗЕРВА

Мне повезло: во время моего выпуска из училища я разминулся со своими родителями и родственниками, приехавшими на Красную площадь. Так что в училище за распределением поехал один. Благодаря этому они не увидели мой отпускной билет, в котором было написано, что после окончания отпуска я должен прибыть в штаб Туркестанского военного округа. А в открепительном талоне к партбилету — запись о необходимости встать на учет в партийном отделе 40-й общевойсковой армии.

Врать я никогда не умел, но и сказать родителям правду не мог. Понимая, что правда их просто убьет. Поэтому сказал, что получил направление в Южную группу войск, намекая на Венгрию. Первые дни родители усиленно делали вид, что поверили мне. Хотя отец всегда знал, куда я поеду после окончания училища. А маме это подсказало ее материнское сердце. И я часто слышал, как она плакала по ночам.

Отец настаивал, чтобы я непременно женился в этом отпуске. Это было логично: если меня убьют, после меня останутся мои дети. Но, видимо, к своим двадцати годам я был слишком мал для понимания этого. И у меня еще не было девушки. Отец был уверен, что выпускнику Московского высшего общевойскового командного училища достаточно одной недели, чтобы жениться. Один день — познакомиться с красивой девушкой, три

дня, чтобы она в него влюбилась, и три дня для того, чтобы расписаться (в связи с войной в Афганистане срок между подачей заявления и росписью в ЗАГСе был сокращен для офицеров до трех дней). И у меня еще оставалось около трех недель для того, чтобы плодиться и размножаться. Но я считал, что это нечестно. И будет правильно, если я сначала вернусь с войны, а уже потом начну заниматься всеми этими важными и нужными делами.

А пока я нашел одно из многочисленных писем, полученных мною от читателей журнала «Агитатор», и написал в ответ, что в ближайшее время непременно воспользуюсь приглашением и прилечу в гости. В город Ташкент.

Сан Саныч был прав, говоря, что мне не придется никого просить о помощи, ее будут предлагать. И вместо того, чтобы прилететь в незнакомый город, искать гостиницу и штаб округа, я всего лишь прилетел в аэропорт, где меня встречали очаровательная девушка по имени Марина и ее отец, который отвез нас на своей машине к ним домой. Это оказалось гораздо удобнее, чем одному скитаться по незнакомому городу с огромным чемоданом «смерть носильщика». Такие чемоданы с формой были у всех выпускников военных училищ. Хорошо еще, что второй такой же чемодан с зимней формой я оставил дома.

С детства я помнил фильм «Ташкент — город хлебный». В первый же вечер выяснилось, что он не только хлебный, но и очень гостеприимный. Марина была художником. Поэтому сутки с небольшим, проведенные мною в Ташкенте, превратились в калейдоскоп беспре-

станных встреч с ее друзьями-художниками, посещение их выставок и мастерских. И в увлекательные экскурсии по замечательному и очень красивому городу.

Из нашего выпуска распределение в ТуркВО получили тридцать человек. Десять из них остались служить в военных частях округа, а двадцать молодых лейтенантов, и я в том числе, получили загранпаспорта для убытия в Афганистан. Мои товарищи Игорь Гук, Олег Якута и Игорь Овсянников решили лететь в Афганистан сразу. Остальные были направлены в поселок Азадбаш, находившийся в пригороде Чирчика, примерно в тридцати километрах от Ташкента. Отец Марины отвез меня и мой огромный чемодан на своей машине туда менее чем за час. На общественном транспорте эта дорога заняла бы у меня гораздо больше времени и сил.

Целый год я проходил дополнительную подготовку в 197-м отдельном батальоне резерва офицерского состава: акклиматизацию, горную, минно-взрывную подготовку, огневую подготовку на горном стрельбище, учился вождению боевой техники на горном танкодроме. Но кроме этого, почти два месяца исполнял обязанности помощника начальника оперативного отделения дивизии в поселке Азадбаш и один месяц — начальника разведки полка (во время развертывания, учений, боевых стрельб и выполнения учебно-боевых задач в Каракумах в январе 1986 года), выезжал с проверкой разведбата в Кушку.

Если поначалу наш батальон формировался из молодых лейтенантов, только что окончивших военные училища, то после того, как осенью 1985 года нас перевели из Азадбаша в Келяту, стали появляться и офицеры

в более высоких званиях — старшие лейтенанты и капитаны, успевшие уже послужить в войсках. Ходили мы в солдатской форме, но подпоясанные офицерскими ремнями и с кокардами на панамах. Вместе с моим другом Володей Ивановым по выходным бегали купаться в бахарденском подземном озере Ков-ата («Отец пещер» на туркменском), находившемся километрах в двадцати от нашего учебного центра. Или вместе с выпускником ЛенВОКУ Игорем Дорогановым ездили прогуляться в Ашхабад.

Во время одной из таких поездок я навестил своего друга по училищу Сергея Андреева, который служил в Ашхабаде. Передал ему стопку почтовых конвертов, на которых подписал почтовый адрес своих родителей, а в качестве обратного адреса указал его ашхабадский адрес. Договорились, когда я попаду в Афганистан, буду отправлять письма родителям на его адрес. Он будет перекладывать их в эти конверты и отправлять. А письма от моих родителей будет пересылать на мою полевую почту. По моему разумению, такая небольшая военная хитрость позволила бы скрыть от моих родителей то, что я уже нахожусь в Афганистане. Чтобы они узнали об этом как можно позже.

Изредка получалось слетать на выходные домой. Обычно из дома я привозил пятилитровую пластмассовую канистру с клубничным вареньем. К тому времени по почте приходила пятикилограммовая посылка с печеньем, которую присылала моя сестра. Всего этого богатства хватало нам на один вечер, когда мы, почти всей ротой, собирались в ленинской комнате. Грозил всем электрическим сетям учебного центра коротким

замыканием, в трехлитровых банках с водой гудели самодельные кипятивильники, сделанные из лезвий бритвы или стальных подковок к сапогам. Из-за проблем с гепатитом, который в то время начал косить наши ряды, мы использовали не чайную заварку, а верблюжью колючку (предварительно тщательно измельчали ее, превращая в кашицу). По словам нашего командира батальона, эта настойка хорошо защищала от гепатита, но желтухой тогда у нас переболели многие.

Сразу после Нового года наших резервистов стали отправлять в очередные отпуска, чтобы мы успели отгулять их до отправки в Афганистан. Моя очередь подошла только в апреле. Обстановка дома была тяжелой, все прекрасно понимали, что ожидает меня в ближайшем будущем, поэтому я решил немного попутешествовать. Сначала полетел в Калининград, где вместе с преподавателями Калининградского университета принял участие в экспедиции по проверке состояния памятников архитектуры в Калининградской области и в Литве. В этот раз по совету Сан Саныча форты, крепости и старинные замки я рассматривал с точки зрения не только военного, но и инженера, и архитектора. И сделал для себя много интересных открытий о том, как инженерные решения могут помочь сохранить жизни моих бойцов.

Из Калининграда я планировал полететь в Киев. Там жил еще один читатель журнала «Агитатор» — ученик пятого класса Костя Г. Он пригласил меня приехать в гости, сразиться на шахматной доске. Первую партию мы играли с ним около года, по переписке: одно письмо — один ход. Сыграли партию вничью, и мне

было интересно познакомиться со столь юным и талантливым подростком, у которого я не смог выиграть в шахматы.

Когда 26 апреля я приехал в аэропорт, мне сказали, что на Киев все рейсы отменены. Причину отмены не озвучили. Это было довольно неожиданно. До Киева можно было добраться и на поезде. В кармане у меня лежал транзитный билет на самолет Москва — Калининград — Киев — Москва. Разумеется, его можно было поменять, но дорога на поезде заняла бы гораздо больше времени, чем я планировал. До конца отпуска оставались считанные дни, и каждая минута была у меня на вес золота.

Возможно, кто-то другой решил бы эту задачу иным способом. Но после службы в оперативном отделении дивизии и исполнения обязанностей начальника разведки полка меня уже приучили находить не совсем привычные способы решения поставленных задач. Я подумал, что на Киев может лететь самолет военно-транспортной авиации, но оказалось, что летит обычный Ан-24 с какими-то спецами на борту. Договорился с их старшим (удостоверение личности офицера Советской армии тогда было почти «вездеходом»). Он попытался меня отговорить. По его словам, в Киеве произошла какая-то серьезная авария. Но я сказал волшебное слово «надо!». И примерно через два часа был уже в киевском аэропорту Жуляны, где меня встречал Костя со своими родителями.

Вечером было большое и очень хлебосольное застолье. А утром Костя показывал мне Киев. Мы гуляли по набережным и по Крещатику, которые были удивительны.

тельно безлюдными. Город мне понравился, и очень понравилась квартира, в которой Костя жил со своими родителями, — просторная, светлая, с интересной планировкой. Я подумал, что скоро такие квартиры начнут строить по всему Советскому Союзу.

Но больше всего мне понравилось, что Костя не предлагал мне сыграть с ним в шахматы. Почему-то играть не хотелось. Не потому, что где-то неподалеку, на Чернобыльской АЭС, в эти дни произошла какая-то непонятная авария. А потому, что едва ли в этот раз мы смогли бы с ним свести партию вничью. А мне не хотелось, чтобы среди нас были проигравшие.

На следующее утро я улетал в Москву. Во время регистрации обратил внимание на то, что среди пассажиров были только женщины. Подавляющее большинство с малолетними детьми. Не знал, были ли в это время какие-то ограничения на вылет мужчин из Киева. У меня в кармане лежал транзитный билет на Москву, и я об этом как-то не задумывался. Но мне казалось, что все эти женщины смотрят на меня с плохо скрываемым презрением, как на какого-то труса. И было глупо пытаться объяснить им, что я не бегу из Киева, а лечу через Москву в Афганистан.

Минут через десять после взлета самолет развернулся и снова приземлился в Жулянах. У него оказалась какая-то неисправность. Примерно через час мы взлетели снова, но уже на другом самолете. Почти сразу же после взлета в салоне самолета заплакал чей-то ребенок. Следом второй, третий... Этот полет запомнился мне жутким детским плачем, который никто не в силах был остановить.

А еще через несколько дней я летел в Туркмению, в свой родной батальон резерва. И почему-то вспоминал, как в начале моей службы в Азадбаше к общезнанию, в котором я тогда жил (в бывшей дворянской усадьбе), по утрам приходили узбекские женщины, приносили фрукты. Денег за них не брали. Говорили: «Мы знаем, куда вас готовят. Вернитесь домой живыми. И наших сыновей тоже верните живыми». Я до сих пор помню их добрые и очень светлые лица. И их материнский наказ.

Почему-то я был уверен, что после отпуска нас сразу отправят в Афганистан. Но прошли май, июнь. Наступил июль. Это было время изнурительного ожидания. Учебные занятия продолжались до позднего вечера, но не могли занять нас полностью. Мысленно мы были уже далеко от этих мест. Тогда мы еще не понимали, что эти месяцы — просто подарок судьбы. Нам подарили возможность прожить еще несколько мирных дней. Но мы ждали вызова.

В середине июля пришло письмо от Сан Саньча:

Дорогой Сережа! Получил твое письмо от 9 июля. С интересом прочитал повествование о твоем житье-бытье и вот что хочу сказать. Главное, что сейчас определяет твою жизнь, — это чувство сидения на чемодане. Точно такое же ощущение испытывают пассажиры на аэровокзалах, когда задерживаются рейсы. Но там больше недели никто не ждет. Твое ожидание подлиннее. Между прочим, вся армейская служба для многих — это постоянное сидение на чемоданах. Сидят в группах войск — время идет, переведут в страну,

там и начнем дела. Сидят в Заполярье — время идет, переведут в группу войск, ну и так далее. Так проходит жизнь и утрачивается время, которое можно использовать с толком.

Сколь бы ни был неустроен быт резерва, какие бы психологические состояния ни приходилось испытывать — себя от личного дела, ведущего к личной цели, отставлять нельзя. Ты же волевой парень. Скоро, как говоришь, на несколько дней приедешь в отпуск. Приедешь, купишь новый календарь. Значит, год улетел — и не догонишь. А разве за это время нельзя было довести английский до 20 тысяч слов? Или взять что-то иное, требующее усилий. И что может пригодиться впоследствии. И довести дело до ума?

Хотелось бы, Сережа, чтобы ты понял, что время утекает как песок и вот так в бесцельном созерцании себя держать не стоит. Человек целеустремленный не может дать себе права быть в резерве. Пусть как хотят называют подразделение, где тебе служить, — сам не будь в резерве. Делай шаги всегда и везде. Я тут в последнее время приболел. Завтра выхожу на службу. Жму руку, обнимаю.

А. Щ.

Письмо могло означать только одно — необходимость подучить английский. Видимо, он понадобится мне в недалеком будущем. Я думал, что в Афганистане, но Сан Саныч любил многоходовые комбинации. И уже сейчас начинал готовить меня к следующей командировке.

Уже скоро в батальон должны были прибывать новые выпускники военных училищ. Из первого набора

нас осталось человек пятнадцать. И в чью-то светлую голову пришла мысль отправить нас на Арбат. Служба на Арбате (в Москве, или в «Приарбатском» военном округе, как мы в шутку его называли) в Советской армии считалась самой престижной. Гораздо круче, чем служба в заграничных группах войск. В группах войск была очень серьезная боевая подготовка, что для дальнейшей службы было хорошим трамплином, да и границу посмотреть было интересно. Но в «Приарбатском» военном округе было легче сделать карьеру. Проблема заключалась в том, что служить нас отправили не на московский Арбат, а на туркменский. Точнее, на Красный постоянный двор, в Кизыл-Арват (Гызыларбат; на туркменском языке гызыл — «красный»; арбат — «постоянный двор», «укрепление», «крепость»).

Понятно, что в батальоне резерва учиться нам уже было нечему, а в Афганистан нас могли отправить и оттуда. В Кизыл-Арват мы прибыли на поезде около двух часов ночи. Через час разместились в офицерском общежитии. В наших планах было поспать хотя бы пару часов, позавтракать и часам к восьми прийти в штаб полка, представиться командиру. Но в пять утра в общежитие прибежал посыльный и сказал, что нас срочно вызывают на плац. Мы ответили, что придем после завтрака. Через несколько минут прибежал какой-то полковник и покрыл нас матом. Это нам не понравилось, и мы не придумали ничего лучше, чем вернуться в свой родной батальон. А я смотался в Москву.

Мы встретились у Сан Саныча дома. Он сказал, что завтра будет в Кремле и решит этот вопрос. То, что в Кремле будут обсуждать проблемы какого-то

лейтенанта, прозвучало довольно смешно. Но позднее оказалось, что на следующий день Сан Санычу вручали в Кремле какой-то орден и он действительно переговорил с заместителем министра обороны СССР по кадрам генералом армии Иваном Николаевичем Шкадовым, присутствовавшим на награждении.

Я почему-то думал, что получу от Сан Саныча инструкции, шифры, явки, парашют и буденовку. Но вместо этого получил визитку первого секретаря посольства СССР в ДРА Юрия Рудченко для экстренной связи. Пароль, с которым на меня при необходимости выйдет наш связной. И настоятельную просьбу от Сан Саныча никогда не забывать о профессиональной деформации.

— Сережа, в Афганистане после нескольких рейдов или засад наши солдаты и офицеры начинают забывать, зачем и для чего мы пришли в эту страну. Начинают воевать. Это и есть профессиональная деформация. Но мы пришли не воевать, а помогать нашим соседям, строить вместе с ними лучшую жизнь, укреплять дружбу и сотрудничество. Поэтому тебя и учат сейчас медицине для оказания помощи не только своим бойцам, но и местным жителям. Чтобы потом они вспоминали о тебе не только как о хорошем воине, но и как о человеке, который спас многих из них. А это важно, как о нас будут помнить. Никогда не забывай об этом! Каждый наш солдат и офицер в Афганистане — представитель Советского Союза! Это не только высокое звание, но и большая ответственность. И ты теперь тоже государственный человек. Поэтому должен думать как государственный человек. И действовать.

Хотя, как я должен действовать, мне было еще не совсем понятно. Но на первом этапе моя задача выглядела как-то несерьезно — всего лишь передать привет от Сан Саныча его другу Шафи. На мой вопросительный взгляд Сан Саныч улыбнулся:

— Восток — дело тонкое. И небыстрое. Очень важно, чтобы Шафи сам пошел на контакт с тобой. Поэтому не нужно ничего из себя изображать, просто будь собой. Твои дедушки, бабушки, родители и учителя вложили в тебя самое главное — умение думать, трудиться и созидать. Афганцы умеют это ценить. Поэтому выполняй задачи, которые будет ставить перед тобой твое армейское командование, береги своих бойцов и помогай местным жителям чем сможешь. А когда придет время, связной передаст тебе новые инструкции.